изменными пастухом и пастушкой, написанные совершенно в духе той поэзии, против которой в эти годы было столько критических выступлений:

Вечерняя заря, явяся вдалеке,
Багряный свой покров простерла над лесами;
Прохладный ветерок, качая древесами,
Шумел с приятностью в пушистом тростнике.
Пастушка, утомясь от солнечнаго зноя,
Воссела, где ручей подошву холма моя,
Излучинами тек, крутился и журчал;
Пастух, которого давно любовны взгляды
Просили от нее взаимныя награды,
Со стадом перед ней нечаянно предстал,
Под стражу верным псам отдав своих ягняток,
Он робко ей поднес им сорванных цветков,
Гвоздичек аленьких и синих васильков,
И как сказать: люблю, не ведая ухваток,
Молчал, краснел, вздыхал и начиная речь,
Старался в скорости слова сии пресечь.
Забавно было то и внятно для пастушки:
Ей сердце делало исправный перевод
Того, что думал он. Тогда явясь Ерот,
Дал смелость пастуху, вмешался в их игрушки —
И скоро весь они забыли смертных род.[19]

Вслед за этим герой романа дает более чем прозаическое объяснение своей идиллии:

«Вот, друг мой, происшествие, которому я был нечаянным свидетелем; но откинь только стихотворческие басни, узнаешь, что ввечеру, когда воздух был довольно сыр, идучи с ружьем, я увидел крестьянскую бабу в лаптях, которая неосторожно резвилась с босым мальчишкою. Трава, омоченная уже холодной росою, заменяла им богатый диван — и они казались довольными своей участью. Сколь охотно я отдал бы свое просвещение, свое благородство, чтоб иметь грубые чувства сих людей, и питаясь своими трудами, не желать ничего».[20]

Выступления М. Сушкова против жанра идиллии, его натуралистический комментарий к собственному произведению появились в печати приблизительно через десятилетие после того, как

---

[19] Там же, стр. 14—16. Подобного рода пасторальные стишки наводняли журналы этого времени, в том числе и журнал «Дело от безделья», в котором, кстати, печатался и сам М. Сушков. См. там стихи аналогичного характера: «Пастушка» (ч. III, 217), «Похвала пастушьей жизни» (ч. I, стр. 73), «Лето» (ч. III, стр. 4). См. еще: «Идиллия. Делфис и Миртил» («Чтение для вкуса, разума и чувствований», 1791, ч. IV, стр. 97), в которой два пастуха, встретясь на вершине горы, куда они пригнали свои стада, стали «попеременно петь прелести и дарования своих любезных». См. там же: «Любовь есть полна страха» (1791, ч. II, стр. 267) о любви пастуха Милона к пастушке Хлое. См. также стихи М. Майкова, герои которых — страстные, нежные, проливающие «слезные токи» пастушки и пастушки («Нанина», «Зима» и др.): Стихи М. Майкова. 1790.

[20] М. В. Сушков. Российский Вертер, стр. 16—17.